

ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖЕЗЕМНОЙ УЧЕНОСТИ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. В. ПЕТРОВ

Институт философии РАН (Москва)
campas.iph@gmail.com

VALERY V. PETROFF

RAS Institute of Philosophy (Moscow), Russia

APPROPRIATION OF FOREIGN LEARNING IN ANCIENT AND MEDIEVAL LATIN TRADITION

ABSTRACT. The article gives a brief overview of ancient and medieval programs that aimed to appropriate and transfer the legacy and scholarship from previous cultures. We consider the attitudes of Roman intellectuals towards the translation practices. The rendering of the authoritative works from Greek into Latin was not supposed to result in the exact communication of the contents and meaning of a foreign text by means of the Latin language and not the accurate reproduction of the original text, but the creation of a Latin equivalent that had to replace and even eliminate the original work. In this case, the “translation” was deliberately “adapted”: it incorporated translator’s commentaries and digressions of every kind; it also reflected the mentality and worldview of Roman readers. The practices of appropriating the legacy of the previous culture were formulated in terms of “capture”, “military booty” and “expropriation”. We observe in greater details the relevant arguments of Cicero, Horace, and Boethius and, with reference to the periods of cultural revival in the Middle Ages, excerpts from Alcuin, John Scottus Eriugena, and Heiric of Auxerre.

KEYWORDS: *translatio studii*, *translatio imperii*, appropriation of knowledge, Cicero, Horace, Boethius, Alcuin, John Scottus Eriugena, Heiric of Auxerre.

В статье дается краткий обзор особенностей античных и средневековых программ по присвоению и переносу учености от предшествующих культур

к себе.¹ Подобное перемещение интеллектуального и культурного наследия было разнообразным и включало все виды *translatio*: переезд иностранных ученых, перемещение книг, перевод текстов, вывоз памятников, похищение религиозных святынь.²

Рассмотрим некоторые черты и специфику этих практик. Применительно к Греции не сохранилось подробно сформулированных программ по переносу знания, хотя, как известно, греческая культура и наука активно реципировали достижения предшествующих цивилизаций (Египта, Вавилонии, Финикии и пр.) Проблема культурного экспорта становится предметом сознательного дискурса в эпоху римского господства. Состоявшийся перенос власти (*translatio imperii*) от Афин к Риму признается недостаточным, поэтому ставится задача перенести «то, что осталось», т.е. ученость (*translatio studii*). В Рим по своей воле съезжают учителя со всей ойкумены, которые основывают свои, например, филологические или философские школы. В свою очередь, выдающиеся римляне берутся за переводы греческих текстов. При этом следует отметить особенности понимания римскими интеллектуалами задач переводческой практики: целью перевода авторитетных сочинений с греческого на латинский язык было не столько точная передача содержания иностранного текста средствами латинского языка и не аккуратное воспроизведение оригинального текста, но создание латиноязычного эквивалента, призванного заместить и даже упразднить оригинал. При этом, «перевод» был принципиально «адаптированным», т.е. допускал включение переводческих комментариев, приспособление к менталитету и кругозору римского читателя.

Формулирование практик апроприации наследия предшествующей культуры в терминах «захвата», «военной добычи» и «экспроприации» было свойственно не только римлянам.³ Несколько позже соответствующий стиль мышления и лексику демонстрирует Климент Александрийский, согласно которому Платон «выторговал» (*ἐμτορεύεσθαι*) свою философию у варваров-египтян, а «эллинские философы были ворами и разбойниками

¹ Переводчики цитируемых сочинений указаны в примечаниях и библиографии. В целях выделения философской терминологии и приведения ее к единообразию, в переводы внесены изменения, которые специально не оговариваются. При отсутствии указания на переводчика, перевод принадлежит автору статьи.

² Петров 2004б, 196–198.

³ В греческих терминах акт подобной культурной апроприации мог быть описан словом *ἀρπαγμός* («насильственное изъятие»), а захваченное, соответственно, рассматривалось как *ἀρπαγή* («добыча»), см. Петров 2004а, 331–332.

(κλέπται καὶ λησταί)», которые присвоили (σφετερισόμενοι) учения еврейских пророков.⁴

Римляне, признавали, что греческий является более развитым языком, и перевод с греческого на латинский воспринимался как перемещение сверху вниз.⁵ Начиная с классического периода, латинские авторы ощущали свою зависимость от греческой культуры и учености. Они знали, что вскоре после того, как Рим победил Грецию оружием, Греция победила Рим своей культурой:

Graecia capta ferum || uictorem cepit, et artes
Intulit agresti || Latio.⁶

Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый внеся искусства <...>

Как показал Марру, среди европейских народов римляне первыми сознательно обратились к иному (греческому) языку, чтобы усовершенствовать свой. Подобная практика задействования чужеродных ресурсов сыграла важную роль в строительстве римской гуманитарной культуры.⁷ Сознательное моделирование латинской литературной традиции на основании образцов греческой культуры – это феномен золотого века, и Цицерон подчеркивает, что римляне здесь в долгу у греков. В *О пределах блага и зла* Цицерон формулирует оппозицию: латинский язык должно превратить в подходящее лингвистическое средство для переноса греческих философских текстов и мысли, чтобы он смог сравняться с гибкостью греческого; но цель подобных улучшений – развить римскую культуру. Нет задачи – припасть к источникам греческой культуры и мудрости; следует улучшить латинский язык таким образом, чтобы он мог выразить то, что прежде было написано по-гречески:

Труднее удовлетворительно ответить тем, кто заявляет о своем презрении к латинским сочинениям. И здесь я прежде всего удивляюсь тому, почему родной язык не удовлетворяет их в столь важных предметах, тогда как сами же они весьма охотно читают латинские пьесы, дословно воспроизводящие греческие. <...> Я уверен, что, хотя и существует великолепно написанная Софоклом “Электра”, я должен читать “Электру”, плохо переведенную Атилием <...> И разве не

⁴ См. Петров 2008, 89.

⁵ О «вертикальном» переводе (связывающем неравноценные языки) и переводе «горизонтальном» (соединяющем языки сравнимой престижности), см. Folena 1973, 57–120, где объектом внимания являются языки Средневековья, но терминология приложима к различию в статусе греческого и латинского языков в античности.

⁶ Horatius. *Epistulae* II, 1, 156-157; см. Гораций 1970, 369.

⁷ Марру 1998, 299–301.

доставляют нам удовольствия изложенные по-латыни мысли Платона о благе и добродетели?

А что если мы являемся не только переводчиками, а пытаемся сберечь суть сказанного теми, чьи мысли мы принимаем, и к тому же высказать собственное наше суждение об этих предметах и изложить их в том порядке, как мы считаем нужным? Какие у них основания предпочитать написанное по-гречески тому, что и великолепно выражено, и в то же время не является *только* переводом с греческого? <...>

Разве мало удовольствия доставляет нам Феофраст, толкуя вопросы, уже рассмотренные Аристотелем? <...> Если греки читают греков, написавших о тех же самых проблемах по-своему, то почему же мы не хотим читать наших же соотечественников?

Впрочем, если бы я перевел Платона или Аристотеля таким же образом, как наши поэты – трагедии, если бы я познакомил с этими божественными талантами моих сограждан, неужели этим я оказал бы им дурную услугу? До сих пор я этого не сделал. Однако же, полагаю, мне это отнюдь не запрещено. Впрочем, я, если угодно, переведу кое-какие места, особенно из только что названных мной авторов, когда окажется возможным сделать это так же удачно, как всегда переводили Энний Гомера, а Афраний – Менандра <...>

Я думаю, что многие еще и потому не любят латинских сочинений, что им встречались вещи как следует не обработанные, переведенные небрежно, с плохих греческих сочинений на еще худший латинский <...> Но кто же откажется читать о вещах достойных, изложенных прекрасным стилем, убедительно и красноречиво?⁸

Здесь Цицерон легитимизирует парафраз. Верность тексту отходит на задний план. Он полагает, что в перевод допустимо инкорпорировать комментарии. Нечто подобное мы видим в ранний период развития любой культуры, входящей в соприкосновение с культурой более развитой и пытающейся усваивать ее образцы. Первые попытки апроприации текстов заведомо являются свободными переложениями, призванными дать о них лишь общее представление на языке доступном читателю, для которого эта чужая культура пока совершенно неведома, а ее реалии нуждаются в развернутых объяснениях. Однако каждый хронологически последующий подступ к тем же образцам, будет всё более точным, поскольку учитывает предшествующий переводческий опыт, попытки адаптации и знакомство с ними читателя.

В *Тускуланских беседах* Цицерон выразил удовлетворение тем, что множество греческих сочинений, особенно принадлежащих ораторам, было переведено на латинский язык. Перенесение философии, однако, оставалось

⁸ Cicero. *De finibus bonorum et malorum*. Lib. I: II, 4 – III, 8; см. Цицерон 2000, 42–44.

делом будущего. Цицерон убеждает всех, кто в состоянии сделать это, отнять философские богатства у Греции – которая, по его мнению, находилась в интеллектуальной упадке – и переместить их (*perferant*) в Рим; «подобно тому, как наши предки <...> перенесли (*transtulerunt*) все прочие науки». Таким образом, Цицерон делает акцент не на лингвистическом акте перевода, посредством которого римляне приобретут знание философских сочинений греков, но на акт культурной экспроприации, посредством которой, ученость и культура, ранее бывшие собственностью Греции, будут перенесены в Рим (используются глаголы *transferant* и *transtulerunt*):

Quamobrem hortor omnes, qui facere id possunt, ut huius quoque generis laudem iam languenti Graeciae eripiant et *transferant* in hanc Urbem, sicut reliquas omnes, quae quidem erant expetendae, studio atque industria sua maiores nostri *transtulerunt*.⁹

Поэтому я призываю всех, кто способен, к тому, чтобы похитить и этого рода славу у уже поблекшей Греции и *перенести* ее в наш Град, как наши предки своими стараниями и усердием *перенесли* всё прочее, в чем имелась нужда.

Такой перенос философской учености требует трансляторов. В самом деле, использованный Цицероном глагол *transferre* имеет два значения – «переносить» и «передавать». Как только все значительные работы греческих философов будут перенесены (*traducta*) на латинский язык, говорит Цицерон, «у нас вообще не будет потребности в какой-либо греческой библиотеке»:

Quod si haec studia *traducta* erunt ad nostros, ne bibliothecis quidem graecis egebimus, in quibus multitudo infinita librorum propter eorum est multitudinem qui scripserunt.¹⁰

Ибо, если эти знания будут *перенесены* к нам, у нас вообще не будет потребности в греческих библиотеках с их бесконечным множеством книг, вследствие множества тех, кто их писал.

Впоследствии, применительно к риторике и философии Цицерон действительно занял в сознании средневековых латинских ученых то место транслятора, на которое претендовал при жизни. Например, Иоанн Солсберийский заявляет, что Цицерон – величайший представитель латинского мира, ибо благодаря его сочинениям латинские читатели оснащены знанием не хуже, чем сами греки:

⁹ Cicero. *Tusculanae disputationes* II, 2; см. Цицерон (1975), 249 (с изменениями).

¹⁰ Ibid. II, 2; см. Цицерон 1975, 250. Здесь М. Гаспаров ошибочно переводит «ne bibliothecis quidem graecis egebimus» как «сразу бы явились у нас и книжные собрания, как у греков».

Orbis nil habuit maius Cicerone latinus.

В латинском мире не было никого большего, чем Цицерон.¹¹

Здесь же мы видим специфически римскую склонность ставить риторику выше философии. В противоположность Платону и Аристотелю Цицерон дает риторике, как практическому искусству, первенство. В начале трактата *О нахождении* он даже говорит об определяющей роли, которую риторика сыграла в деле цивилизационного прогресса. Риторика, по сути, создала человеческое общество и лишь благодаря ей *мудрость*, прежде бессильная вследствие отсутствия дара речи, получила дар убеждения:

Было время, когда люди бродили по полям, словно звери, поддерживая свое существование лишь дикой и грубой пищей. Они управлялись не разумной частью души (*ratione animi*), но почти все делали посредством телесной силы <...> Явился, однако, в те времена муж великий и, должно быть, весьма мудрый (*magnus et sapiens*), ибо понял, какие ресурсы и возможности для самых великих дел таятся в умах людей (*quae materia esset et quanta ad maximas res opportunitas in animis inesset hominum*), если кто возьмется вывести их наружу и развить к лучшему обучением (*elicere et praecipiendo meliorem reddere*). Этот-то человек собрал и поселил в одном месте людей, рассеянных прежде <...>, нашел им общее и полезное дело и <...> с помощью разумных увещаний смягчил их нравы и внушил добрые чувства. Постепенно, по мере того, как они все более прислушивались к нему, вследствие его *ума и красноречия* (*propter rationem atque orationem studiosius*), он сделал их из жестоких и диких – мягкими и кроткими (*mansuetos*). И мне бесспорно кажется, что *мудрость*, будь она *молчаливой* и неспособной к красноречию (*nec tacita videtur nec inops dicendi sapientia*), не смогла бы совершить то, чтобы люди внезапно обратились от прежних обычаев, и не перевела бы их к иному образу жизни (*ad diversas rationes vitae traduceret*). Ибо разве смогли бы люди после того, как уже возникли города, научиться доверять друг другу, уважать законы, по своей воле подчиняться другим, и не только выносить тяжкие труды, но и жертвовать самой жизнью ради общего блага, если бы не внушил он все эти разумные начала с помощью *красноречия* (*eloquentia persuadere*)? Да, без сомнения, лишь с помощью *величественного и сладостного красноречия* (*gravi ac suavi oratione*), мог он заставить силу добровольно склониться под иго закона <...> Так родилось и пышно расцвело красноречие (*nata et progressa longius eloquentia*).¹²

Стойческое воспитание Цицерона заставляет его помещать разум сразу и в речь, и в мысль, примиря риторiku и диалектику:

¹¹ Johannes Saresberiensis. *Entheticus* 1215 (PL 199. P. 991C).

¹² Cicero. *De inventione*. Lib. I: 2, 5 – 3, 17; Цицерон 1994, 52–53 (перевод исправлен нами).

Sapientiam sine eloquentia parum prodesse civitatibus, eloquentiam vero sine sapientia nimium obesse plerumque, prodesse nunquam.¹³

Мудрость без красноречия мало приносит пользы государству, но *красноречие без мудрости* зачастую бывает лишь пагубно и никогда не приносит пользы.

Цицерон дает *красноречию* контролирующую функцию, делая философию ее частью.¹⁴ Он неоднократно высказывается относительно возможности отступления от оригинального текста. В трактате *О наилучшем роде ораторов*, который служит введением к его переводу речей из Демосфена и Эсхина, Цицерон заявляет:

Nec converti ut *interpretes*, sed ut *orator*, sentiis isdem et earum formis tamquam figuris, verbis ad nostram consuetudinem aptis. In quibus *non verbum pro verbo* necesse habui *reddere*, sed genus omne verborum vimque servavi. Non enim ea me adnumerare lectori putavi oportere, sed tamquam appendere. Hic labor meus hoc assequetur, ut *nostri homines* quid ab illis exigant, qui se Atticos volunt, et ad quam eos quasi *formulam dicendi* revocent intellegant.¹⁵

Я передаю не как переводчик, но как оратор, сохраняя те же идеи и обороты, или, так сказать, фигуры [мысли], но языком, приспособленным к нашим обычаям. Поступая так, я не считал необходимым *передавать слово в слово*, но сохранял общий стиль и смысл речи. Ибо я не считаю, что должен пересчитывать их [слова] перед читателем, как монеты, но плачу за общий вес. Результатом моих усилий станет то, что *наши люди* будут знать, чего требовать от тех, кто [в Риме] объявляет себя аттическими ораторами; чтобы [римляне] понимали, к какой *речевой норме* следует призывать таковых.

Цицерон ставит себе целью предоставить римский аналог для образцов аттического красноречия. Его переводы греческих ораторов должны *заменить и заместить* риторические образцы греков, если возникнет потребность насладиться аттическим красноречием. Таким образом, интенция Цицерона состоит не в том, чтобы обеспечить максимально точную передачу оригинала, но чтобы обогатить за счет адаптации этого оригинала родную речь. Латинский перевод, воплотивший в себя греческий оригинал, становится *первичным*, и должен заменить оригинал в качестве риторического образца.

Приведенный выше отрывок из Цицерона сделал популярным словосочетание «non verbum pro verbo», которое затем использует Гораций, выступающий против рабского копирования и имитации образцов прошлого.

¹³ Ibid. I, 1, 14-16; Цицерон 1994, 52.

¹⁴ См. Struvever 1970, 16 и 29. О стоических теориях языка и их влиянии на латинскую риторику, см. Warwick 1957, 80–ш.

¹⁵ Cicero. *De optimo genere oratorum* 5, 14-15, пер. В.В. Петрова.

В отрывке, посвященном подражательству, Гораций заявляет, что хорошим поэтом можно стать, если:

Publica materies privati iuris erit, si
non circa vilem patulumque moraberis orbem
nec *verbo verbum* curabis reddere *fidus*
interpres nec desilies *imitator* in artum
unde pedem proferre pudor vetet aut operis lex¹⁶.

Общая тема перейдет в собственное владение, если ты не станешь задерживаться в области распространенного и доступного, и не будешь стараться передать *слово в слово*, как *буквальный переводчик*, и не скатишься в узилище *подражательства*, откуда тебе не позволит выбраться ни позор, ни закон ремесла.

Очевидно, что Гораций приравнивает «буквальный перевод» к разновидности «подражательства» и «имитации». Общедоступное нужно «приватизировать», между образцом и копией должен встать творческий гений, переплавивший «чужое» в «свое». Любопытно, что когда много позже Иоанн Скотт перевёл *Ареопагитский корпус* с греческого языка на латинский, то в адресованном королю предисловии он, объясняя принципы перевода, настаивает как раз на обратном: на своем желании быть *буквальным переводчиком* (что, конечно, является отсылкой к известной формуле Горация):

Sin vero obscuram minusque apertam praedictae interpretationis seriem iudicaverit, videat, me *interpretem* huius operis esse, non *expositorem*. Ubi valde pertimesco, ne forte culpam *infidi interpretis* incurram. At si aut superflua quaedam superadiecta esse, aut de integritate graecae constructionis quaedam deesse arbitratus fuerit, recurat ad codicem graecum, unde ego interpretatus sum; ibi fortassis inveniet, itane est necne¹⁷.

Если [кто-нибудь] решит, что порядок вышеупомянутого перевода темен и не вполне доступен, пусть помнит, что я являюсь *переводчиком* сего сочинения, а не *комментатором*. Здесь я весьма страшусь, того, чтобы не стяжать вины *небуквального переводчика*. Впрочем, если кто-нибудь посчитает, что к целостности греческой фразы здесь либо прибавлено лишнее, либо чего-то недостает, пусть обратится к греческой рукописи, с которой я переводил; там он, возможно, отыщет: так это или нет.

При этом, слова Иоанна Скотта не свободны от иронии, смысл которой состоял в том, что кодекс BNF gr. 437, с которым он имел дело, помимо

¹⁶ Horatius. *Ars poetica* 133-134, пер. В.В. Петрова. Cf. Copeland 1991, 29.

¹⁷ Iohannes Scottus. *Versio operum S. Dionysii Areopagitae. Praefatio* (PL 122, 1032C); Петров 1995, 98.

имеющихся дефектов был написан греческим унциалом без разбивки на слова, не содержал знаков препинания, и имел минимум знаков ударения. В связи с этим, желающих проверить качество перевода Эриугены, наверняка, не нашлось.

В разработке принципов перевода как культурной экспроприации немалую роль сыграл и Боэций (480–524), суждения и подход которого во многом повторяли таковые у Цицерона. Во введении к своему *Комментарию на ‘Топику’ Цицерона* Боэций призывает прислушаться к тому, что сказал Цицерон во второй книге *Тускуланских бесед*, и даже цитирует уже приведенное выше мнение Цицерона:

Audiant M. Tullium secundo Tusculanarum disputationum libro adhortantem potius, atque ad certamen uocantem hoc modo: ‘Quamobrem hortor omnes, qui facere id possunt, ut eius quoque generis laudem iam languenti Graeciae eripiant et transferant in hanc Urbem, sicut reliquas omnes, quae quidem erant expetendae, studio atque industria sua maiores nostri *transtulere*¹⁸.

Да услышат то, к чему Марк Туллий призывал во второй книге *Тускуланских бесед*, побуждая к такого рода дерзанию: “Поэтому я призываю всех, кто способен, к следующему: похитьте ж и этого рода славу у уже поблекшей Греции и *перенесите* ее в наш Град, как наши предки своими стараниями и усердием *перенесли* всё прочее, в чем имелаась нужда”.

Боэций, однако, не довольствуется воспроизведением призыва Цицерона. Его честолюбивый замысел и мечта – на деле исполнить эту программу:

Nec male de ciuibus meis merear si, cum prisca hominum uirtus urbium caeterarum ad hanc unam Rempublicam dominationem imperiumque *transtulerit*, ego, id saltem quod reliquum est, Graecae sapientiae artibus mores nostrae ciuitatis instruxero¹⁹.

Я сослужил бы немалую службу моим согражданам, если бы, после того, как былой доблестью мужей *господство и власть* были *перенесены* в это единое государство, и я б – применительно к тому, что сделать осталось – облагородил бы нравы нашего Града искусствами греческой мудрости.

По мысли Боэция перенесение господства и власти должно сопровождаться переносом искусств и учености. За *translatio imperii* должно следовать *translatio studii*.²⁰ По мнению Боэция, перенесение учености подразумевает перевод текстов с одного языка на другой. И Боэций работал, не покладая рук, чтобы осуществить такие переводы. Не случайно, Кассиодор, составивший к нему послание от имени короля Теодориха, восхваляет его за то, что

¹⁸ Boethius. *Commentaria in Ciceronis Topica* 5 (PL 64, 1152AB), пер. В.В. Петрова.

¹⁹ Boethius. *In Categoriae Aristotelis* 2. Praefatio (PL 64, 201B), пер. В.В. Петрова.

²⁰ Goetz 1958.

Бозций соединил римскую тогу и греческую мантию в хоре философов; за то, что он передал «сенату Рима» духовное наследие «Кекропова града», т.е. Афин:

Translationibus enim tuis Pythagoras musicus, Ptolomaeus astronomus leguntur Italici; Nicomachus arithmeticus, geometricus Euclides audiuntur Ausoniis; Plato theologus, Aristoteles logicus Quirinali uoce disceptant. Mechanicum etiam Archimedem Latialem Siculis reddidisti. Et quascumque disciplinas uel artes fecunda Graecia per singulos uiros edidit, *te uno auctore patrio sermone Roma suscepit*.²¹

Благодаря твоим переводам италийцы читают гармонию Пифагора и астрономию Птолемея; арифметика Никомаха и геометрия Эвклида понятны авзонийцам; теология Платона и логика Аристотеля обсуждаются на Квиринале. Даже механику Архимеда ты сделал латинской у сицилийцев. И какие бы науки и искусства изобильная Греция не произвела посредством различных авторов, Рим благодаря тебе одному получил это на отеческом языке.

Кассиодор заходит в своей лесте столь далеко, что утверждает, что если бы греческие авторы могли сравнить свои собственные работы с переводами Бозция, они предпочли бы его перевод оригиналу: “*Quos tanta uerborum luculentia reddidisti claros, tanta linguae proprietate conspicuos, ut potuissent et illi opus tuum praeferre, si utrumque didicissent*”.²²

Впоследствии, когда в силу разных исторических причин сочинения греков перестали переводиться на латинский, знание и ученость еще не раз «изымались» и «переносились», но теперь перемещались «книги» и «люди».

Например, в начале каролингского возрождения, его идеолог – англосакс Алкуин, тогда пребывавший аббатом монастыря св. Мартина в Туре, попросил Карла Великого выделить крепких молодых людей и организовать экспедицию в Йорк, чтобы привезти оттуда груз нужных для преподавания и богослужения книг. Следствием этого должно было стать распространение мудрости во франкском королевстве, где, по словам Алкуина, воздвигнутся новые Афины:

Forsan Athenae noua perficeretur in Francia.²³

Возможно, во Франции воздвигнутся Новые Афины.

Для нашего рассуждения важным моментом является то обстоятельство, что новый Афины не являются воссозданием старых, но должны превосхо-

²¹ Cassiodorus. *Ep.* 45, 3-4 (PL 63, 564CD).

²² Ibid. 564D: «Посредством великого изящества речи и словесного мастерства ты сделал их такими ясными и выдающимися, что они могли бы сами предпочесть твой труд, если бы читали оба текста».

²³ Alcuinus. *Epistola* 86 (PL 100, 282B).

дять их. Древние Афины славились своими философами, особенно теми, кто собирался в садах Академа; в новых Афинах будет преподавать сам Христос. Древние Афины знали семь свободных искусств; новые Афины будут наделены семью дарами Святого Духа.²⁴

Как бы то ни было, после перевоза книг просветительский труд, которым Алкуин прежде занимался в Нортумбрии, продолжился во Франкии. Как писал сам Алкуин:

Memor illius sententiae: “Mane semina semen tuum, et vespere non cesset manus tua; quia nescis quid magis oriatur, hoc an illud. Et si utraque simul, melius est (Eccl 11:6). “Mane”, florentibus per aetatem studiis seminavi in Britannia. Nunc vero frigescente sanguine quasi vespere in Francia seminare non cesso. Utraque enim, Dei gratia donante, oriri optans.²⁵

Я помню эти слова [Священного Писания]: «Поутру сей свои семена, и вечером не складывай рук, ибо не знаешь ты, какое будет удачнее: это или то, или же оба хороши [Еккл 11:6]». «Поутру», т.е. в пору моей ученой юности, я сеял семена в Британии; теперь, когда моя кровь остыла, в вечер [своей жизни], я продолжаю сеять во Франкии. Надеюсь, с Божией помощью прорастут оба посева.

Усилия Алкуина принесли плоды. Представитель третьего поколения каролингских ученых, Гейрик из Осерра (ок. 835 – ок. 887 гг.) описывает королевство внука Карла Великого так, как если бы в нем осуществилась мечта Алкуина:

Dolet certe [Graecia], sua illa privilegia (quod nunquam hactenus verita est) ad climata nostra *transferri*. Quid Hiberniam memorem, contempto pelagi discrimine, pene totam cum grege philosophorum ad littora nostra migrantem. Quorum quisquis peritior est, ultro sibi indicit exsilium, ut Salomoni sapientissimo famuletur ad votum.²⁶

Право, сама [Греция], которая до сих пор этого не опасалась, скорбит, видя, как то, чем раньше обладала она одна, теперь *переносится* под наше небо. А вспомнить ли Ирландию, что, презрев море, отделяющее её [от континента], едва ли не вся переселилась на наши берега с когортой философов? Наиболее искусные из них добровольно избрали себе изгнание, чтобы присягнуть на служение мудрейшему Соломону [т.е. Карлу – В.П.].

Мы видим, что теперь под переносом учености понимается уже не переводческая деятельность (в переводе греческой классики на латинский язык к этому времени уже не было нужды), но переселение иностранных ученых, которых просвещенный правитель привлекал к своему двору.

²⁴ Ibid.

²⁵ Alcuinus. *Epistola* 43 (PL 100, 209C).

²⁶ Heiricus Autissiodorensis (1896), 429, 16–38; Петров (1995), 39–40.

Таким образом, общее стремление просветителей периода эллинизма и раннего Средневековья «переместить мудрость» имело ряд особенностей, отличающих их подход от того, что практикуется в наше время. Перемещение означало не точное воспроизведение средствами своего языка и культуры, не сколь возможно точное воссоздание оригинала в иной культурной среде, но «изъятие» и «захват», подразумевающие упразднение прежнего оригинала, замену его на аналог, скроенный по новым лекалам и долженствующий заменить собой оригинал.

БИБЛИОГРАФИЯ

Латинские тексты цитируются по изданиям, представленным в электронной текстовой базе данных *Packard Humanities Institute Latin Library texts* (PHI 5, CD-ROM edition). Греческие тексты цитируются по изданиям, представленным в электронной текстовой базе данных *The online Thesaurus Linguae Graecae* (<http://stephanus.tlg.uci.edu>)

- Гораций (1970) – Гораций. *Оды, эподы, сатиры, послания*. Пер. Н. Гинцбурга. Москва.
- Цицерон (1975) – Цицерон. *Избранные сочинения*. Сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирин. Москва.
- Цицерон (1994) – Цицерон. *О нахождении материала I, 1–5* (пер. Г.С. Кнабе), Цицерон. *Эстетика. Трактаты. Речи. Письма*. Москва, 52–56.
- Цицерон (2000) – Цицерон. *О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков*. Пер. Н.А. Федорова. Москва.
- Жоно, Э. (2010) «*Translatio studii*: перенесение учености (одна из тем Жильсона)» (Пер. с англ. и прим. М.С. Петровой), *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*. Москва, 238–297.
- Марру, А.-И. (1998) *История воспитания в античности*. Пер. с франц. А.И. Любжина, М.А. Сокольской, А.В. Пахомовой. Москва.
- Петров, В.В. (1995) «Accessus Iohannis Scotti». *Иоанн Скотт Эриугена. Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна*. Вводная статья, пер. и прим. В.В.Петрова. Москва, 1–161.
- Петров, В.В. (2004а) «Ἀρχαῖος и ἄρχαῖα: критические замечания к статье о Павла Флоренского “Не восхищение непщева (Флп 2:6-8)”», *Диалог со временем* 13, 327–334.
- Петров В.В. (2004б) «Мир живых и святые мертвецы в раннем Средневековье: послесловие к Культ святых Питера Брауна», П. Браун. *Культ святых: его становление и роль в латинском христианстве*. Пер. с англ. В.В. Петрова. Москва, 194–207.
- Петров В.В. (2008) «S. Klitenic Wear, J. Dillon. Dionysius the Areopagite and the Neoplatonist tradition: Despoiling the Hellenes. Aldershot; Burlington (VT): Ashgate,

2007 (рецензия на книгу)», *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия* 3 [23], 88–105.

- Barwick, K. (1957) *Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik*. Berlin.
- Cicero (1949). *De inventione, De Optimo genere oratorum, Topica*. H. M. Hubbell, ed. and transl. (Loeb Classical Library). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Copeland, R. (1991) *Rhetoric, Hermeneutics, and Translation in the Middle Ages. Academic traditions and vernacular texts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Folena, G. (1973) «'Volgarizzare' e 'tradurre': idea e terminologia della traduzione dal medio evo italiano e romanzo all'umanesimo europeo», *La traduzione: saggi e studi*. Trieste: Lint, 57–120.
- Goez, W. (1958) *Translatio Imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit*. Tübingen.
- Heiricus Autissiodorensis (1896). *Vita Sancti Germani. Commendatio sequentis operis ad gloriosum regem Carolum per epistolam facta*, Monumenta Germaniae Historica. Poetarum Latinorum Medii Aevi. T. 3. Hrsg. L. Traube. Berlin, 428–430.
- Struever, N. (1970) *The Language of History in the Renaissance: Rhetoric and Historical Consciousness in Florentine Humanism*. Princeton: Princeton University Press.

CYRILLIC CHARACTERS REFERENCES TRANSLITERATED (FOR INDEXING PURPOSES ONLY): Goracij (1970) – Goracij. Ody, ehbody, satiry, poslaniya. Per. N. Gincburga. Moskva. Ciceron (1975) – Ciceron. Izbrannye sochineniya. Sost. i red. M. Gasparova, S. Osheroва, V. Smirina. Moskva. Ciceron (1994) – Ciceron. O nahozhdenii materiala I, 1–5 (per. G.S. Knabe), Ci-ceron. EHstetika. Traktaty. Rechi. Pis'ma. Moskva, 52–56. Ciceron (2000) – Ciceron. O predelah blaga i zla. Paradoksy stoikov. Per. N.A. Fedorova. Moskva. Zhono, EH. (2010) «Translatio studii: perenesenie uchenosti (odna iz tem ZHil'sona)» (Per. s angl. i prim. M.S. Petrovoj), *Intellektual'nye tradicii Antichnosti i Srednih vekov (issledovaniya i perevody)*. Moskva, 238–297. Marru, A.-I. (1998) *Istoriya vospitaniya v antichnosti*. Per. s franc. A.I. Lyubzhina, M.A. Sokol'skoj, A.V. Pahomovoj. Moskva. Petrov, V.V. (1995) «Accessus Iohannis Scotti». Ioann Skott Eriugena. Gomiliya na Prolog Evangeliiya ot Ioanna. Vvodnaya stat'ya, per. i prim. V.V.Petrova. Moskva, 1–161. Petrov, V.V. (2004a) «Ἀρχαγμός i ἀρχαγμα: kriticheskie zamechaniya k stat'e o. Pavla Florenskogo "Ne voskhishchenie nepsheva (Flp 2:6-8)"», *Dialog so vremenem* 13, 327–334. Petrov V.V. (2004b) «Mir zhivyh i svyatye mertvecy v rannem Srednevekov'e: posleslovie k Kul'tu svyatyh Pitera Brauna», P. Braun. *Kul't svyatyh: ego stanovlenie i rol' v latinskom hristianstve*. Per. s angl. V.V. Petrova. Moskva, 194–207. Petrov V.V. (2008) «S. Klitenic Wear, J. Dillon. Dionysius the Areopagite and the Ne-oplatonist tradition: Despoiling the Hellenes. Aldershot; Burlington (VT): Ash-gate, 2007 (recenziya na knigu)», *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filo-sofiya* 3 [23], 88–105.